

Глава 25. Р-р-р!

В тишине кабинета Е Чжэнь сидел за просторным письменным столом. Бегло пробежав глазами присланное письмо, он небрежно отложил его в сторону, после чего обмакнул кисть в тушечницу, аккуратно снял излишки туши о ее край, слегка закатал широкие рукава и вывел на чистом листе бумаги первые иероглифы. Ему предстояло написать ответ Чжоу Цинцаю.

Внезапный и поспешный отъезд Чжоу Цинца, который в тот день умчался, даже толком не попрощавшись, имел под собой веские причины. И корни их уходили к его родителю — Чжоу Фэйжаню, главе Поместья Одного Меча.

Чжоу Фэйжань слыл неисправимым повесой. В молодости он был необычайно хорош собой и до крайности влюбчив. Поначалу он числился лишь рядовым учеником в Поместье Одного Меча, но благодаря редкостному природному дару к боевым искусствам быстро освоил сложнейшие техники клинка, заслужив искреннее признание старого главы. У того не было сыновей — лишь единственная дочь по имени Лян Инь, в которой старик души не чаял и берег пуще зеницы ока. Стоило юной деве заприметить статного Чжоу Фэйжана, как ее сердце затрепетало от любви, и вскоре они поженились.

Казалось бы, идеальная пара, союз, благословенный самими Небесами. Но все испортил несносный нрав новоявленного зятя — Чжоу Фэйжань оказался неисправимым ловеласом. Пока старый тесть был жив, тот, может, и не прочь был пуститься во все тяжкие, да только духу не хватало. Но стоило старику отойти в мир иной, как власть в поместье прибрал к рукам Чжоу Фэйжань, и обитель семьи Лян окончательно перешла к роду Чжоу.

Впрочем, дела давно минувших дней меркли перед недавней новостью: на днях глава Чжоу притащил откуда-то юношу, объявив его своим внебрачным сыном. Какая законная супруга потерпит подобный позор? Лян Инь устроила грандиозный скандал, рыдая и грозясь наложить на себя руки. Получив тревожную весть, Чжоу Цинцай без промедления оседлал коня и во весь опор помчался домой. Е Чжэнь сомневался, что тот вернулся мирить родителей; скорее всего, молодому преемнику предстояло лично разобраться с новоявленным сводным братцем.

Е Чжэнь вывел последний штрих. Как раз в этот момент в кабинет вошел Фэйсэ с охапкой официальных бумаг. Отложив кисть в сторону, хозяин дома бережно свернул лист, вложил его в конверт и негромко распорядился:

— Отправь надежного гонца в Поместье Одного Меча. Пусть скачет без остановок.

Фэйсэ аккуратно разложил стопку документов на краю стола, принял письмо и почтительно кивнул. Но, помедлив у порога, заговорил вполголоса:

— Господин, из дворца доносят, что на днях Его Величество изволил заглянуть в Зал Развития Литературы. Заметив, что ряды соучеников-сопровождающих из благородных семей изрядно поредели, император справился о причинах. Оказалось, большинство юношей отговорились внезапными недугами. Государь разгневался и повелел вовсе прогнать этих симулянтов,

приказав чиновникам набрать новых компаньонов.

Фэйсэ на мгновение умолк, пытаясь угадать мысли господина по его безучастному лицу, а затем добавил:

— И до меня только что дошли слухи... Министр Не рекомендовал Его Величеству кандидатуру нашего Второго молодого господина.

При этих словах Е Чжэнь нахмурился. Он молча положил пальцы на край полированной столешницы. Хозяин кабинета погрузился в раздумья.

Фэйсэ затаил дыхание и смиренно склонил голову, боясь нарушить тишину.

Прошло немало времени, прежде чем Е Чжэнь негромко произнес:

— Хорошо. Можешь идти.

Поклонившись, слуга бесшумно покинул кабинет. На душе у него было беспокойно, однако понять, какие мысли одолевают главу кабинета, он так и не смог.

Еще не наступил полдень, когда в двери постучал старый управляющий. Он доложил, что Второй молодой господин слезно просит уделить ему минуту.

Е Чжэнь на миг задумался. Пока длилось домашнее заточение, Шуанчэн и впрямь вел себя на удивление смирно. Сам Е Чжэнь все эти дни к нему не заглядывал, так что мальчишка, верно, уже исходил горькой обидой.

Поднявшись из-за стола, Е Чжэнь направился к выходу. Старый управляющий семенил следом, подобострастно согнув спину и заискивающе улыбаясь:

— Господин, Второй молодой господин в последнее время просто шелковый! Слуги так и говорят: днями напролет сидит за ширмой, усердно переписывает книги да упражняется в каллиграфии. Подумать только, даже по ночам лампа в его покоях горит чуть ли не до третьей стражи!

Е Чжэнь прекрасно понимал, что преданный слуга просто выгораживает юного баловня. Он молча шел по коридору, никак не реагируя на хвалебные речи, но стоило управляющему упомянуть ночные бдения, как он удивленно приподнял брови. Зная ветреный нрав Шуанчэна, он верил в такое прилежание с большим трудом. Едва ли тот действительно тратил ночи на чтение.

И Е Чжэнь оказался чертовски прав. Ни о каком внезапном рвении к наукам речь, разумеется,

не шла. Просто несчастное «Наставление сыну», которое Шуанчэну велели переписать, продвигалось со скрипом. Ленивый от природы юноша то и дело отвлекался на любую мелочь, а когда осознал, что десятидневный срок наказания подходит к концу, перепугался и принялся судорожно строчить день и ночь напролет. Впрочем, запала хватало ненадолго: поработав самую малость, он неизменно начинал клевать носом и засыпал прямо на стопке листов. Так повторялось изо дня в день. Верный слуга Цю Мин лишь горестно вздыхал, сокрушаясь о тяжелой доле молодого господина, но поделать ничего не мог.

Когда Е Чжэнь подошел к воротам внутреннего двора, двое стражников тут же склонились в почтительном поклоне. Получив легкий кивок господина, они поспешно достали тяжелую связку ключей и отперли засовы.

В покоях Шуанчэн сидел по-турецки на мягкой подушке. Безвольно уронив руки вдоль тела и уткнувшись щекой в гладкую столешницу, он тоскливо смотрел в пустоту. Вдруг снаружи донеслись приближающиеся шаги. Юноша встрепенулся, заморгал, и стоило ему поднять голову, как на пороге выросла высокая фигура Е Чжэня — безупречно статная, словно благородное нефритовое древо.

— Брат!

Шуанчэн просиял. Спрыгнув с сиденья, он так стремительно бросился к двери, что едва не сбил старшего с ног, и крепко обнял его за пояс.

— Ну наконец-то! Почему ты так долго не приходил? Неужто, раз меня наказали, тебе и скучать по мне запрещено?

Е Чжэнь покачнулся от этого неистового натиска, но быстро восстановил равновесие. Он был на голову выше младшего брата, поэтому, опустив взгляд, видел лишь макушку с мягкими, шелковистыми темными прядями.

Внемя этим упрекам, Е Чжэнь не сдержался — он тепло улыбнулся. Он осторожно похлопал брата по плечу:

— Надо же. Неужели за эти несколько дней наш Шуанчэн успел перемениться?

Щеки юноши вспыхнули румянцем. Нехотя высвободившись из объятий, он смущенно отвел взгляд. Характер его, конечно, остался прежним — просто он действительно истосковался по брату за время разлуки.

— Брат, я же признал свои ошибки. Неужто нельзя хоть разок меня простить? — пробормотал он, обиженно надув губы.

Е Чжэнь лишь выразительно приподнял бровь, издав неопределенный звук.

Поняв, что упрямством ничего не добьется, Шуанчэн тут же сменил тактику:

— Но я правда все переписал! Честное слово, «Наставление сыну» готово до последнего иероглифа. Может, теперь ты отменишь это дурацкое наказание?

Е Чжэнь мысленно прикинул срок. Шел десятый день заточения, но солнце еще не село. Раз уж дело дошло до наказания, потакать капризам до конца не следовало. Помолчав, он негромко произнес:

— Завтра так и быть — можешь выйти со двора и развеяться.

— Правда?! Спасибо, братец!

Шуанчэн подпрыгнул на месте от избытка чувств, едва не заехав головой брату по подбородку. Вовремя спохватившись, он заискивающе заулыбался, а в голове у него уже вихрем закружились мысли о том, куда бы завтра податься и как следует погулять.

Спустя какое-то время по распоряжению Е Чжэня слуги принесли обед.

Настроение у Шуанчэна взлетело до небес, улыбка не сходила с его лица. Заметив, что на подносах стоят исключительно его любимые яства, он довольно прищурился.

Глядя на эту неприкрытую детскую радость, Е Чжэнь лишь тихо хмыкнул и покачал головой. Однако в следующий миг в его памяти всплыли предостережения Фэйсэ, и тень беспокойства вновь омрачила лицо главы кабинета. С таким буйным нравом Шуанчэну заказана дорога в соученики к наследникам престола. В императорском дворце, за высокими мрачными стенами, где каждый шаг сопряжен с интригами, а слухи разносятся быстрее ветра, Е Чжэнь не сможет оберегать младшего брата на каждом шагу — ведь государственные дела редко позволяли ему самому отлучаться из кабинета.

Впрочем, сам Шуанчэн даже не догадывался о тучах, сгущающихся на горизонте. Он весело уплетал горячий рис за обе щеки, после чего с самым угодливым видом наполнил пиалу бульоном и протянул старшему брату:

— Братец, попробуй суп, отменная вещь!

Эти слова заставили Е Чжэня очнуться от тяжелых дум. Взглянув на забавные растрепанные пряди у висков Шуанчэна и на его сияющие неподдельным лукавством глаза, он тихо рассмеялся. Тревога отступила, уступив место тихому семейному уюту.